

С НАЗВАНИЕМ «ЖИЗНЬ»

— Как вы относитесь к своим врагам?

— Я о них не думаю. Вообще!

— Зато они, наверное, о вас думают.

— Это их дело.

— Что вы думаете о нынешней молодежи? У вас есть к ней претензии, пожелания?

— Мне трудно об этом судить. Когда приезжаю сюда, я настолько занята своими делами... Вот и теперь: пробыла почти месяц в Москве, а знала только одну дорогу: из дома — через подземный переход на Тверской — во МХАТ. Обратно — поесть, и в шесть вечера — на спектакль...

— Во МХАТ пешком ходили?

— Туда пешком. Обратно — вечером — на машине: страшно идти... Так что о молодежи у меня слабые представления. Иногда включаю телевизор, смотрю на весь этот рок... Русский рок — он такой неинтересный, настолько, мне кажется, неестественный для России. Скопировали, нахватались... Вырвалось на свободу все, что раньше было запрещено. Какие-то глупые стихи, музыка, вопли... Не знаю... Во всем должна быть высокая профессиональность — в любом деле! Особенно, когда выходишь на сцену, когда на тебя смотрят. Я не ханжа. Я могу что-то не любить: это не мое! Но я всегда признаю, что это — действительно, высокого класса. Раньше для выступления на эстраде вы должны были прежде всего иметь данные для того, чтобы выйти на сцену и раскрыть рот. У вас должен был быть голос. Не оперный (если вы на эстраде), но вообще голос! А

не просто «от пупа» орать истошным голосом, заткнув себе в глотку микрофон, обливаясь потом, в этой сплывшейся бороде... Какой-то ужас!

— Самовыражение! Душа рвется наружу.

— Пусть выражается у себя дома. Это твое дело.

— У русских принято самовыражаться на улицах. Выйти — и грянуть хором: либо «Марсельезу», либо «Шумел камыш...»

— Да-да, все солисты... Все теперь в одиночку проявляют индивидуальность. Выходят на сцену и вопят. Искусство нищих.

— Так ведь и страна — нищая!

— Конечно... Мне жаль молодежь, которая стоит, обалдевшая, с бессмысленными глазами, кивает головами... На Западе все занимает свое место. Тот же рок не имеет такого влияния на молодежь, как здесь. Может быть, это оттого, что — пройденный этап. Какие-то звезды еще проходят, кто-то их слушает, кто-то не слушает... В России все это в новинку — поэтому появляются уродливые формы.

— Любит ли молодежь на Западе классическую музыку?

— Конечно! Зайдите на концерты, в оперные театры! Масса молодежи. Хотя, замечу, в России тоже много молодежи встречается на концертах...

На молодежь сейчас вся надежда. Какой будет молодежь — такой будет Россия... Вот они вырвались на свободу: как щенки, большие, неуклюжие, с толстыми лапами, милые... Щенки всех больших собак ужасно обаятельные! Выскочили на снег и прыгают, прыгают, чего-то ло-

вят... Сил много, как приспособиться к жизни — не знают... Думаю, молодежь разберется что к чему, в чем дело! Ужасно другое: старшее поколение, люди, которым сегодня за 60. Не должны же они, выйдя на пенсию, умирать! У них впереди, может быть, 15—20 лет жизни. Они надеются эти годы прожить. Вот где трагедия!

— Что же делать?

— Жить! Жить и пробиваться. Выбиваться из ситуации. Вся страна в таком положении. Смотрите, что делается: и так поворачивают, и так поворачивают — а корабль никак не могут направить по курсу. Народ должен помогать. Чего ходить с флагами, орать?! Призывать коммунистов: приходите княжить? Я бы хотела спросить у них: разве у вас в семье нет замученных, убиенных — в террор, в коллективизацию? Или вы не помните, что под знаменами правящей партии — без войны — было ухлопано 40 или 50 миллионов человек? Почему народ об этом не помнит? Знает — и не хочет помнить! Ужасное свойство — не помнить! Значит, нет никаких гарантий для детей, что с ними не случится то, что произошло с предками?..

— Какой вопрос Галина Вишневская хотела бы задать художнику Галине Вишневской и как бы та ответила на этот вопрос?

— У меня совершенно нет ни вопросов, ни ответов! Я сейчас настолько измучена, что даже вопросов к себе не имею! Я раньше никогда не учила ролей. Разучивая оперную партию, вместе с музыкой невольно за-

поминаешь текст. Здесь же надо было учить роль. Для меня это ново, неожиданно. Я очень устала. И никаких вопросов себе не задаю. Не хочу!

— Продолжаете ли вы заниматься литературным творчеством?

— Нет, сейчас не пишу. Все, что было осознанно, пережито, — все это легло в книгу. Чтобы написать новую, надо накопить материал. Я же не писательница, чтобы выдумывать ситуации. Я пишу о том, что знаю, что чувствую, чему была вольной или невольной свидетельницей. Это опыт моей жизни. Для следующей книги надо накопить новый, посмотреть, подумать...

— Со времени, когда вышла ваша книга, прошло десять лет. Столько воды утекло...

— Безусловно. Но еще не пришло время все это осознать по-настоящему. А писать скороспелые вещи не умею. Я не писатель, я — артистка — со своими эмоциями, переживаниями. Придет время, может быть, сделаю выводы из следующей прожитой части жизни. Если успею — напишу...

— На вашем «боевом счету» немало женских характеров: Татьяна из «Онегина», Лиза из «Пиковой дамы», Купава из «Снегурочки», Наташа Ростова из «Войны и мира», Марфа из «Царской невесты»...

Мы живем в Год Собаки. Какое собачье качество не помешало бы сейчас русским женщинам?

— Я очень люблю собак, и у меня всю жизнь были собаки... Собачье качество? Выбор своего хозяина, друга! Я не хочу ска-

зать, что собака выбирает хозяина. Нет! Но она выбирает человека, которому предана до конца жизни. Она может выбрать этого человека, а может его и не выбрать. Это качество сейчас самое главное. Из него рождается многое другое — большое, настоящее: преданность, порядочность, очень присущие собакам (в отличие от человека!).

— Персональный вопрос: какое собачье качество не помешало бы сейчас Галине Вишневской?

— Может быть... ласковости.

— Вы неласковый человек?

— Я сдержанный человек. Мне бы не помешало проявлять чаще свою ласку к людям и... собакам.

— Как зовут ту собачку, которая всегда оказывается в кадре на руках у Мстислава Леопольдовича?

— Рыженькая такая? Вега. Это его собака. А у меня есть такой же породы — моя. Ее зовут Нана.

— Вспомнили Золя, когда называли?

— Нет-нет... Когда наша первая собака родила трех дочерей, я спросила Володю Максимова: «Как нам назвать собак?» — «Вера, Надежда, Любовь!» Но ведь простой советский человек всегда начеку: мол, вот, назвала собак — Верой, Надеждой, Любовью... Поэтому мы назвали: Вега, Нана, Лулу...

— Наверное, большевистские традиции настолько растворились в нашей крови, что русский человек теперь рождается закоренелым конспиратором?

— Наверное, так!

Беседовали
Александр ЩУПЛОВ
и Андрей ЕФИМОВ.